

Телефильм-опера «Дороги дальние» (музыка А. Флярковского) заслуживает внимания хотя бы потому, что в музыкальных телевизионных постановках находок и удач еще не много.

В «Дорогах дальних» есть зерна нового, того, что составляет существо именно **телевизионной оперы** — жизненная достоверность событий, образов, простота и доступность музыкальной речи, динамичность действия. Конечно, многое было уже заложено в самом произведении — в структуре оперы, которую композитор А. Флярковский, либреттисты И. Шароев и Ю. Чулюкин построили как ряд стремительно сменяющих друг друга эпизодов. Специфика спектакля проявилась и в том, что в композиции включен поэтический текст (стихи В. Дербенева) — рассказ тещи как бы от автора. И в том, что наши современники, герои-комсомольцы, говорят со зрителем современным песенным языком.

Делая телевизионную транскрипцию партитуры, режиссер-постановщик Н. Баранцева широко использовала натурные съемки. Но прибегает она к этому не для иллюстрации музыки (как мы это не раз видели), а для раскрытия ее смысла, содержания, для мотивировки сю-

жетных коллизий, обрисовки характеров героев, их мыслей, чувств, поступков. И сегодняшняя жизнь, достоверная и яркая, трудовая жизнь молодежи, пришла в оперном произведении на экран.

Есть в этой работе и недостатки. Некоторые из них можно отнести к легко устранимым недоделкам: явные «швы» между частями-картинами, где так и просятся приемы наплывов, затемнений, двойных экспози-

ФИЛЬМ ИЛИ ОПЕРА?

зий. Но есть и гораздо более серьезный дефект, проистекающий все из той же единственно принятой вокалистами на вооружение манеры оперного пения полным, хорошо поставленным голосом, «давая звук». Именно эта манера порождает досадное несоответствие между тем, что делают драматические актеры и певцы. К примеру, поэт Алеша: А. Колокольников рисует его простым парнем, честным, искренним, с открытой людям душой, а дублер Г. Троицкий добросовестно и **бесстрастно выпевает** вокальный текст от ноты до ноты. Такое же происходит с образами Маши (поет Л. Возиян, играет М. Мирошникова) и Миши (И. Соловьев и Б. Добрин). Внешний облик их, ма-

нера поведения вполне соответствуют возрасту героев — вчерашних школьников. А голоса певцов звучат, словно они изображают один Яго или Риголетто, другая — Амнерис или Леонору. Правда, есть и счастливые исключения: певица Л. Исаева ничуть не противоречит своей партнерше, артистке С. Дик в трактовке их милой, наивной героини. Нет конфликта между зрительными и вокальными портретами Якова (играет А. Покровский, поет И. Картавенко) и Федора (играет В. Беляков, поет Г. Абрамов), очень сочно выписанных и в партитуре, и в фильме-опере. Но это лишь исключение.

А как правило — несоответствие того, что видишь и что слышишь. И этот недостаток невозможно преодолеть, пока телевидение идет на компромисс: использует готовую фонограмму, к которой режиссер-постановщик вынужден приспособливаться. Да, пока не будет создаваться **новое** произведение, цельное по замыслу, органично слитое во всех компонентах, не прекратится спор между очень разными по своей природе искусствами — фильмом и оперой. Кто победит в этом споре?

М. ИГНАТЬЕВА.

Соб. культ. труды, 1965, 3 апр.